

Витькина месть

Конечно, у Эдьки Цветкова велосипед был что надо. Австрийский, с большой ведущей зубчаткой. Как мы ни старались обойти его в гонках по Клубному переулку, ничего не выходило. Реванш мы взяли после того, как на песчаных буграх за третьей школой открыли новый парк. В тот же вечер «австриец» был побит раз и навсегда: на крутых и кривых аллеях большая зубчатка не помогла. Эдька с досады перестал ездить с нами в парк, крутился в тесном Клубном переулке и врал, что мать не пускает.

В парке и состоялось наше знакомство с Витькой Андреевым. Он жил в Новой колонии, а мы в Старой. Поэтому и не знали, что есть велосипеды почище Эдькиного. У Витьки он был весь никелированный, с белыми шинами и трещоточкой – цик-цик-цик, как будто просяные зерна в стакан сыпятся. А на педалях ремешки, чтобы ноги пристегивать. Но самое главное не в этом. Велосипед был такой легкий и послушный, что мы просто не поверили своим глазам: Витька поставил его ровненько, чуть-чуть подтолкнул, и тот, как живой, покатил по центральной аллее до самого конца, метров пятьсот. Да ещё и не упал, уткнувшись передним колесом в густой кустарник.

– Руль у него чувствительный, – объяснял Витька. – Я сам его регулирую.

Целыми днями стали и мы регулировать – смазывали подшипники вазелином, подтягивали и затягивали болты, но настоящей чувствительности добиться не могли. В общем, что тут говорить, лучше велосипеда, чем у Витьки Андреева, не было во всем городе. Правда, и сам Витька сидел на нём не просто так – стойку жал на руле, на седле «ласточку» держал, а задом наперёд и «без руля» запросто ездил.

Когда началась война, гонять без толку мы стали меньше. На велосипедах возили картошку с огородов, траву из лесу. Да мало ли что. Но Витька своего велосипеда не трогал. А для хозяйственных дел повозку соорудил...

Фашисты вошли в наш городок под вечер. На третий день после провозглашения нового порядка немецкая комендатура предложила городскому населению сдать оружие, автомашины, мотоциклы и велосипеды. Здорово мы посмеялись возле столба с объявлением по поводу автомашин и оружия. А потом вспомнили про свои велосипеды и помчались домой: надо прятать. Но куда там! Матери и бабки раньше нас узнали новость и уже выволакивали велосипеды из сараев и кладовых. О том, чтобы спрятать их на чердаках или спустить в погреб, и слышать не хотели. Обезумели от страха, ведь в распоряжении комендатуры значилось: за неподчинение – расстрел.

А Витька не сдал своего велосипеда. И хоть мать буквально в ногах валялась – не уступил:

– Сама знаешь, что это Зинкина память. И чтоб я этим зелёным гадам...

Был у Витьки старший брат с девчачьим именем Зинка, а по паспорту Зиновий. Мы, мальчишки, любили его за то, что он знал множество разных историй и умел их рассказывать. С тех пор, как мы с Витькой в парке познакомились, раз-другой на неделе у него по вечерам собирались. На крыше сарая Зинка ложился навзничь, смотрел на звёзды и начинал... Сначала про дальние страны и Летучего голландца, потом про самолёты, а под самый конец про шпионов, вампиров и ведьм. Тут он уже вставал и всё показывал в лицах: «Иду я раз поздно ночью и вдруг вижу перед ногами серый клубочек катится...» Мы немели от ужаса.

Зинка погиб в первый месяц войны. И как-то Витька признался нам, что чуткий руль на велосипеде – Зинкина работа: «У него пальцы музыкальные. Слыхали, как на гитаре играл?»

Два раза полицаи приходили к Андреевым за велосипедом, но мать сказала, что Витька уехал на нём в село. А потом он появлялся среди бела дня на сверкающем от солнца красавце, несся по главным улицам города, дразня полицаев непрерывной трелью звонка. Порой они отрезали ему все выходы — одна каменная лестница впереди. Но в самый последний момент Витька буквально нырнул вниз по крутым ступенькам и уходил...

В западню он попал поздней осенью. Я помню это точно потому, что в тот день шёл на рынок за примусными иголками и сгребал ногами жёлтые кленовые листья, густо усыпавшие тротуар. Вдруг мимо меня промчался Витька на велосипеде, неожиданно затормозил, да так, что чуть не упал. Ведущий к рынку тротуар с двух сторон был огорожен, заканчивался лестницей. Когда я увидел поднимающуюся по ней чёрную фигуру с повязкой на руке, сразу всё понял. И тут же услышал сзади себя приглушённый листьями топот сапог: откуда-то выскочил ещё один полицай. Витька, соскочив наземь, затравленно озирался, потом нагнулся к седлу, что-то сделал и, дождавшись бегущего сзади полицаю, толкнул велосипед вперёд: «На, гад, догоняй!» – сам прыгнул через штакетник на дорогу. Велик покатился навстречу первому полицаю, тот расставил руки и ухватился за руль. Сзади подбежал второй и вдруг отшатнулся, стал оседать. И только после этого я услышал взрыв лимонки и присел. Витька поднялся из-за забора и крикнул:

– Это вам за Зинку, гады!..

* * *

Витька объявился в городе после прихода наших. Работал, служил в армии, учился в институте. Но на велосипеде больше никогда не ездил.

Публикуется по: Северинов, Е. Витькина месть // О подвигах, о доблести, о славе... / сост. Г. Н. Яновский. – М.: «Детская литература», 1985.